

Count Leo Tolstoy.

"BY all means visit Tolstoy," thundered the greybearded Stasoff, Director, of the Slavonic Department of the St. Petersburg Public Library. This happened at the Academy of Fine Arts in 1897.

"I do not care much for academical diplomas and distinctions. But let the great writer of Russia recognise you as artist. That will be a real distinction. And no one will appreciate your MESSENGER (Messenger is the name of Roerich's first painting now in the Tretyakoff Gallery in Moscow) better than Tolstoy. He will at once understand with a message your envoy is speeding. Don't delay, in two days I am going with Rimsky-Korsakoff (Rimsky-Karsakoff, famous Russian composer of national operas) to Moscow. Come along with us. Elias (the sculptor Hinsburg) will also join us. Come along, come along!"

Thus we are together in the railway compartment. A heated dispute starts with Rimsky-Korsakoff about his new opera. To a realist like Stasoff the entire epic of "Grad Kitej" does not appeal.

"Just wait, you have to discuss this matter with Tolstoy. He says that he does not understand music, but he weeps, when he hears it," jokingly says Stasoff to Korsakoff.

At that time there was much talk about Tolstoy's WHAT IS ART and MY BELIEF. All sorts of fables about Tolstoy and his life were whispered, as is usual around great men. Gossipers had a wide field for their imagination. They could not grasp how Count Tolstoy could plough the field or make shoes. Absurd anecdotes about Tolstoy's so-called godlessness were in circulation. These slanderers concealed the fact that a godless person could never have written the beautiful parable about the three hermits.

I regret that I do not have at hand the actual text of this narrative, but everyone who wishes to cognise the great personality of Tolstoy, should know at least a short summary of it.

STORY OF THREE HERMITS

On an island there lived three old hermits. They were so simple that the only prayer which they used was: "WE ARE THREE—YOU ARE THREE—HAVE MERCY UPON US!" And great miracles were manifested during their simple prayer. The local bishop came to hear about these hermits, and the inadmissible prayer, and decided to visit and teach them the canonical prayers. He arrived on the island, told the hermits that their prayer was undignified, and taught them many of the customary ones. Then the bishop left on a boat. And he sees that across the sea there follows the boat a radiant light. As this light approached, he discerned the three hermits who were holding their hands, and were running upon the waves hastening to catch the boat. When they had approached, they asked the bishop: "We have forgotten the prayers you

taught us, and have hastened to ask you to repeat them." When the bishop saw this miracle, he said to the hermits: "continue to live with your old prayer."

Could any godless person give such a remarkable image of hermits, who attained illumination in their simple prayer? Indeed to Tolstoy, the great seeker, everything basic and truthful was near to the heart.

Everyone remembers also his FRUITS OF ENLIGHTENMENT, which is full of sarcasm about ignorantly interpreted spiritistic seances. Certain people wished to see in this the negative attitude of Tolstoy towards the entire metaphysical domain. But the great thinker only scourged ignorance.

In his epic WAR AND PEACE, ANNA KARENINA, and many other essays and parables, there has been manifested wide comprehension of psychology in its highest sense. In the heat of argument Tolstoy may indeed have asserted that a simple folk dance for him is equal to the highest symphony. But when one had opportunity to witness how deeply Tolstoy was moved especially by symphonies, one understands perfectly well that in his paradoxes was contained something by far finer and broader than the public may have wished to see in its own interpretation. Tolstoy, the great teacher, before his very end, started out to the OPTINA PUSTYN (is a well-known place of hermitage in Russia), and did not this spiritual act signify a remarkable apotheosis of his wonderful life!

TOLSTOY'S HOME AND SURROUNDINGS

Upon arrival in Moscow we went on the following morning to Tolstoy's home in Homovniki. Each of us brought something: Rimsky-Korsakoff, his latest compositions: Hinsburg, a bronze statue of Tolstoy, Stasoff, some new books, and I a photograph of my "Messenger".

Those who know the quiet side-streets of ancient Moscow, the old residences divided from the street by a ward, and the special atmosphere of those historical dwellings—they will understand the whole unforgettable impression of those surroundings. There was fragrance of apples in the air, mixed with the aroma of libraries and old furniture. Everything was simple and yet refined. We were welcomed by Countess Sophia Andreevna, the wife of the great thinker. Stasoff took command of the conversation, and Tolstoy himself only joined later. He appeared in his typical TOLSTOVKA (a kind of work-man's overshirt which Tolstoy liked, and usually wore) quite in white, and there remained for ever the first impression of his radiantly white appearance.

Only in great men this simplicity be combined with majestic convincingness. I know that his definition "majestic" would not please Tolstoy, and he would probably have interrupted it with some harsh remark. But he was never against simplicity. Only such a gigantic philosophical and literary talent and unusually expanded consciousness can create that grandeur, which was expressed in the entire figure, gestures, and sayings of Tolstoy. It was said that his face was a simple one. This is not so, he had a strong, typically Russian face. Old, wise peasants and so-called old believers, who live far away from cities sometimes, have such faces. Indeed the expression of such faces may be severe. But in them there is no mean irritation, but on the contrary there is expressed a mighty thought. India also knows such faces.

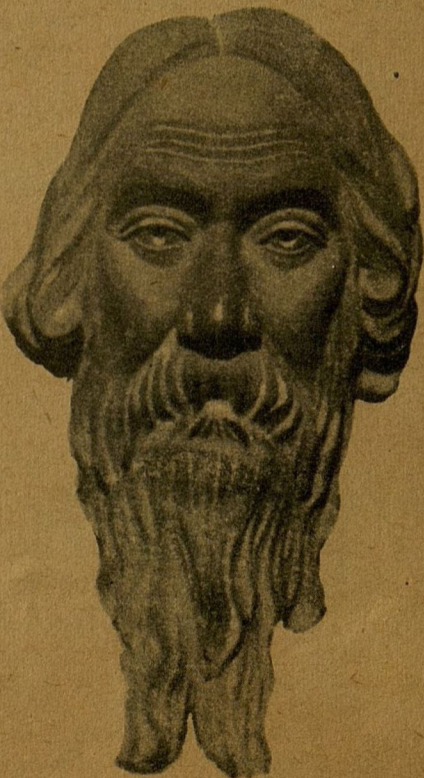
Tolstoy admired the work of Hinsburg, making some abrupt remarks to the point. Then my turn came, and Stasoff had been quite right supposing that the MESSENGER would not only be approved,

but would even call forth some remarkable comments. On my painting, a messenger is seen hastening in a boat to some ancient Slavonic settlement, carrying the important news that some tribes had attacked their neighbours. Tolstoy said: "Did you ever cross a swift river in a boat? You must aim higher than the desired destination, or you will be carried downstream. So also in the domain of morality one should always steer higher life anyhow will one down! Let your messenger aim very high—then he will attain!" Very often in life this advice of Tolstoy was remembered by me. Then Tolstoy dwelt on folk art, on certain paintings from peasant life as if wishing to direct my attention towards the people. "Know how to suffer with them"—was also one of Tolstoy's ordainments. Then we talked about music. Again there flashed some paradoxes, but behind them there was such a love of art, such a searching for Truth, and such a care for the people's education that all those disputes merged into a beautiful symphony of service to humanity. And from morning till evening there resounded an unforgettable TOLSTOVIANA.

On the following morning, starting on our return journey, Stasoff said to me: "Now you have been bestowed with the true distinction of an artist!"

Amazing is the whole life of Tolstoy, as great writer and great teacher of light. Every event of life increased the deep veneration of the people to him. And when his ex-communication from the Church took place, the undivided sympathy of the masses was with him.

Besides many published works of Tolstoy, there circulated everywhere in Russian society many banned essays and letters. The causes and effects of Tolstoy's ex-communication were discussed in whispers. There were rumours about his private meetings with the Emperor. Also certain prophecies of Tolstoy were discussed—later these remarkable predictions

This head" of Gurudev was done when he visited China and is now at Santiniketan.

were widely announced through the press. In these the prophetic writer already foresaw the great war, and many other stirring events.

Every news about Tolstoy's saying was attentively received, as if above official authorities Tolstoy's mighty thought was dominating. Besides his thundering statements about non-

TAGORE

The author, Nicholas Konstatinovich Roerich, the world famous Russian artist, who was also an eminent writer and a poet, a philosopher and an explorer, an educationist and an archaeologist, a historiographer and a prophet all rolled into one, was born on 9th October, 1874

resistance to evil, about pan-human love, about true education for all, there were also such touching description, as for instance, on the death of a tree. India would especially value these simple, truthful words, which contained a deep thought about life omnipresent. Through one of his feminine heroes, Natasha, Tolstoy exclaims: "Yes, I was thinking that we are hastening, and think we are hastening home. But God only knows whereto we are going in this darkness. And perhaps we shall arrive, and will find ourselves not in OTTRADNOYES (estate) but in a fairy-tale kingdom. And then in I thought..."

SIGNIFICANT END OF A GREAT TRAVELLER

The sacred thought of a beautiful realm lived in Tolstoy's heart, when he followed the plough like the true ancient hero of the Russian Epos Mikula Selianinovitch, or when like Boehme he made shoes, or when like the great Carpenter he stood at the bench, seeking contact with all phases of labour. Untiringly this sower cast in his precious seeds, and they took firm root in the consciousness of the Russian people. Innumerable are in Russia the homes in the name of Tolstoy, Tolstoy museums, Tolstoy libraries and reading rooms. And can one imagine a more glorious end for Tolstoy than his departure to the Optina Pustyn, and passing away on a small railway station? A significant end for a great traveller! This passing was beyond all imagination, and Russia at the first moment could not even believe it. I remember how Elena Ivanovna (Madame Helena Roerich) brought this news to me, repeating sorrowfully: "It is unbelievable, it is unbelievable. As if something basic, some part of Russia itself, has left us. As if an epoch is closed..."

And now as I write these lines there suddenly appears a radiant rainbow across all purple and snowy ridges of the Himalayas, from the very earth to the very sky. A blessed sign from HEAVEN TO EARTH.

Again Elena Ivanovna brought news, but quite a different one. She often through her great intuition, found in book-shop something new, needed and inspiring. Thus she brought Tagore's GITANJALI in translation of Baltrushaitis. These beautiful sonorous poems radiated like a rainbow, and in the Russian translation of Baltrushaitis they sounded as a clarion call. Up to that time Rabindranath Tagore was not known in Russia in his entire scope. It was known that Tagore's name was acclaimed all over the world, but we, Russians, had no occasion to cognise the depth of the heart of this great poet.

SONG THAT UNITED ALL HUMAN HEARTS

Gitanjali came like a revelation. The poems were read at gatherings and at private 'at homes.' Only true talent could create such a precious mutual understanding. The quality of convincingness is mysterious. The foundation of Beauty is ineffable, and every pure human heart rejoices at the reunion with Light. This realisation of Beauty, this universal

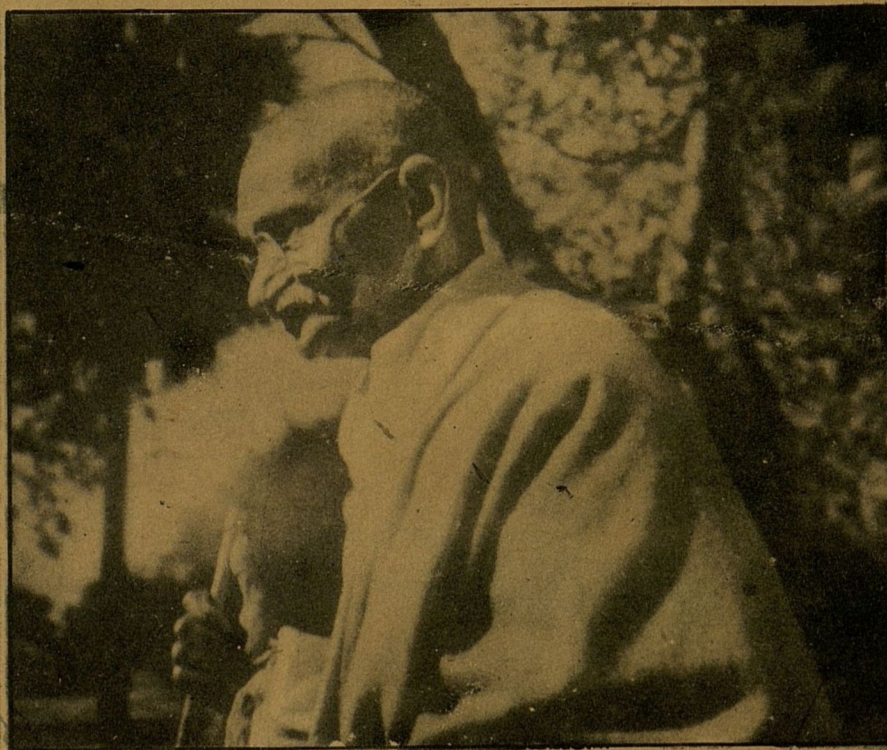
THE SOUL OF INDIA

Dr. ABID HUSAIN

A CONFERENCE of constructive workers was held in the second week of March at Sevagram. The Conference was attended by over a thousand persons including Ministers, political leaders, social and educational workers, journalists and other sincere and selfless workers, not well known in the country but loved and respected in regions where they have been rendering devoted service to the people. It was in many ways a motley gathering. True, the members were mostly clad in Khaddar but in other ways they differed from one another. There were Hindus, Muslims, Sikhs, Christians, Parsis and a few professed no religion; they spoke all the various languages of India; there were moderates and extremists; nationalists and socialists; advocates of large-scale industrialization, cottage industries and simple hand work; believers in centralization and decentralisation!

What was the common factor which had brought together all these different elements from various parts of the country into this small village? It was the miracle achieved by a great spiritual personality and a devotion to a great moral ideal. Every one had been influenced in his own way, by the life and teachings of Gandhiji. Many had a literal faith in his teachings, many interpreted them in their own light and many were led, through his inspiration to deeper understanding of, and devotion to, their own religion.

There were also some who were not interested in religion as such but were fired by a genuine ardour for the service of their fellowmen. Some followed scrupulously the ascetic principles which Gandhiji had laid down for Satyagrahis, some did so only partially and some did not think it at all necessary. Some looked upon Gandhiji as a reformer of the Hindu religion, others as the founder of a new religion of humanity and some held that he was a rational and modern liberal democrat who had, no doubt, used religious terms but was really concerned with teaching democracy based on rationalism.

"THE SOUL of India is alive, and awake, alert and alive."

But they were all at one in their faith in his basic moral ideals and this had knit them together into a sense of unity and fellowship which made them like members of one family. They believed that mankind is one, that all have equal rights, irrespective of race and religion, creed and colour, that the social order should be based not on exploitation and cut-throat competition but on co-operation and justice, that disputes should be settled not by wars but through amicable discussion, that politics cannot be divorced from morality, that bad means cannot be used to achieve ends that are good, that love of one's country and one's people is a primary duty but only to the extent that it does not engender hatred for other peoples, that it is imperative to stand up and defend one's motherland with the proviso that this does not imply a negation of truth and justice. They believed that the ideal of the individual should be to develop all his useful capacities to the fullest and to use them in the service of the community, counting rewards and remuneration as an incidental by-product and not the main *raison d'être* of his work.

I watched all this and asked myself: Is it not remarkable that this man should have welded into an integral whole all the various classes, communities and provinces in a country which had been politically enslaved, demoralized and depressed and in which the poison of mutual hatred and communal, provincial and sectarian animosities had been systematically instilled in the people for about 150 years. How remarkable was this man who fired their hearts with a passion for truth and justice, freedom and progress and respect for human value! And the answer came to me in these words. "He whom you call Gandhi was really the Soul of India, which had been suppressed for centuries under the weight of tyranny and absolutism, and which had ultimately broken these shackles and found its asylum in his frail person. Today that soul had escaped from its individual frame and had permeated into the life of the entire community, particularly this group of a thousand persons. This soul is not bound up with any particular place or time or confined within the boundaries of any particular religion or political or economic doctrine. It demands loyalty to the moral principles which have been enumerated above and calls upon every citizen of India to honour them in his conduct. It

gives them full freedom of thought and action in religious, political and economic matters, provided they hold steadfastly to these broad principles of decency and humanity."

I wanted also to assess how the terrible happenings of last year and the tragedy of the 30th of January which shook the whole world had reacted on this 'Soul of India'. How will this group of persons, who had dedicated themselves to carrying on his work, mourn their leader and master and how will they attempt

to keep alive his teachings and carry on his constructive movements? I watched them and I saw that their eyes, their faces and their words betokened their deep pain and grief but of bitterness, anger, discouragement or despair there was no sign. They were determined to keep alive Gandhiji's name through continuing his work. But they did not wish to worship his name like an idol or give his movement the complexion of a closed religious sect. They were so keenly alive to the dangers inherent in the worship of a name that they had changed the name of "Gandhi Seva Sangh" into Sarvodaya Samaj" i. e. a group dedicated to the uplift of the common man. In their speeches, they stressed, over and over again the point that Gandhiji's teachings should be viewed apart from his name and his person and they should not be given the rigidity of a formal religious system. They should rather be considered as the thoughts of a great reformer, to be interpreted according to our individual lights and implemented with due regard to personal circumstances.

I thanked God that the Soul of India was alive, and awake, alert and active. No one can deny that it is surrounded by many unholy ghosts, internal and external—by communalism and provincialism, capitalism and materialism, fascism and violence, terrorism and disruption. But there is reason to hope that, just as it has defeated the giant of British Imperialism with the gentle and silent power of truth and non-violence, so will it defeat all these frightful spectres.

Gandhiji at Santiniketan.

MAHATMA AND GURUDEVA, photographed during the former's visit to Santiniketan in 1940.

Толстой и Тагор

(Окончание)

Я сейчас записываю эти давние воспоминания, а перед окном от самой земли и до самого неба — через все пурпуровые и снеговые Гималаи засияла всеми созвучиями давно небывалая радуга. От самой земли и до самого неба! Также именно Елена Ивановна принесла и совсем другую весть. Не раз довелось ей находить в книжных магазинах нечто самое новое, нужное и вдохновительное. Нашла она и «Гитанжали» Тагора в переводе Балтрушайтиса. Как радуга засияла от этих сердечных напевов, которые улеглись в русском образном стихе Балтрушайтиса необыкновенно созвучно. Кроме чуткого таланта Балтрушайтиса, конечно, помогло и сродство санскрита с русским, литовским и латышским языками. До этого о Тагоре в России знали лишь урывками. Конечно, прекрасно знали как приветственно имя Тагора во всем мире, но к сердечной глубине поэта нам, русским, еще не было случая прикоснуться.

«Гитанжали» явилось целым откровением. Поэмы читались на вечерах и на внутренних беседах. Получилось то драгоценное взаимопонимание, которое ничем не достигнешь кроме подлинного таланта. Таинственно качество убедительности. Несказуема основа красоты и каждое не загрязненное человеческое сердце трепещет и ликует от искры прекрасного света. Эту красоту, этот всесветный отклик о душе народной внес Тагор. Какой такой он сам? Где и как живет этот гигант мысли и прекрасных образов? Исконная любовь к мудрости востока нашла свое претворение и трогательное созвучие в убеждающих словах поэта. Как сразу полюбили Тагора! Казалось, что самые различные люди самые непримиримые психологи были объединены зовом поэта. Как под прекрасным куполом храма, как в созвучиях величественной симфонии, также победительно соединяла сердца человеческие вдохновенная песнь. Именно как сказал сам Тагор в своем «Что есть искусство»:

«В искусстве наша внутренняя сущность шлет свой ответ высшему, который себя являет нам в мире безпредельной красоты, поверх бессветного мира фактов».

Все поверили и верят и знают, что Тагор принадлежал не к земному миру условных фактов, но к миру великой правды и красоты. Прочно зародилась мечта: где бы встретиться? Не доведет ли судьба и здесь, в этом мире еще увидеть того, кто так мощно позвал к красоте — победительнице? Странно выполняются в жизни эти повелительные мечты. Именно неисповедимы пути. Именно сама жизнь тклет прекрасную ткань так вдохновенно, как никакое человеческое воображение и не представит себе. Жизнь — лучшая сказка.

Мечталось увидеть Тагора и вот поэт самолетно в моей мастерской на Квинсгэт террас в Лондоне в 1920 году. Тагор услышал о русских картинах и захотел встретиться. А в это самое время писалась идущая серия — данно «Сны востока». Помню удивление поэта при виде такого совпадения. Помним как прекрасно вошел он и духовный облик его заставил затрепетать наши сердца. Ведь не даром говорится, что первое впечатление самое верное. Именно самое первое впечатление и сразу дало полное и глубокое отображение сущности Тагора.

На завтраке мирового содружества религий в 1934 году в Нью-Йорке Кедарнат Дас Гупта так вспомнил эту нашу первую встре-

чу с Тагором: «Это случилось 14 лет тому назад в Лондоне. В это время я находился в доме Рабидранат Тагора, и он сказал мне: «сегодня я доставлю вам большое удовольствие». Я последовал за ним и мы поехали в Саут Кенсингтон в дом наполненный прекрасными картинами. И там мы встретили Николая Рериха и м-м Рерих. Когда м-м Рерих показывала нам картины, я думал о нашем прекрасном идеале востока: Праkritи и Паруша, человек явленный через женщину. Это посещение навсегда осталось в моей памяти».

Таким же незабываемым и для нас осталось это явление Тагора, со всеми проникновенными речами и суждениями об искусстве. Незабываемым осталось и его письмо, насыщенное впечатлениями нашей встречи. Затем встретились мы и в Америке, где в лекциях поэт так убедительно говорил о незабываемых законах красоты и человеческих взаимоотношений. В свете левинафава горда слова Тагора иногда звучали также парадоксально, как и волшебная страна Толстого, жившая в сердце великого мыслителя. Тем больше был подвиг Тагора неустанно обходящего мир с повелительным зовом о красоте. Сказал поэт в Китае: «цивилизация ждет великого завершения выражения своей души в красоте». Можно цитировать неустанно из книг Тагора его моления и призывы о лучшей жизни, такие легко выполнимые в непреложной стране самого поэта.

Разве далеки от жизни эти зовы? Разве они лишь мечлы поэта? Ничуть не бывало. Вся эта правда, во всей своей непреложности дана и выполнима в земной жизни. Напрасно невежды будут уверять что мир Тагора и Толстого утопичен. Трижды неправда. Какая же утопия в том, что нужно жить красиво? Какая же утопия в том, что не нужно убивать и разрушать? Какая же утопия в том, что нужно знать и напитывать все окружающее просвещением? Ведь это все вовсе не утопия, но сама реальность. Если бы хотя в отдельных притушенных искрах не проникал в потемки земной жизни свет красоты, то и вообще жизнь земная была бы немислима. Какая же глубокая признательность человечества должна быть принесена тем гигантам мысли, которые, не жалея своего сердца, поистине самоотверженно приносят на поминание и приказы о вечных основах жизни. Без этих законов о прекрасном жизнь превратится в такое озверение и безобразии, что удушено будет каждое живое дыхание.

Страшно проклятие безобразия. Ужасно гонение, которое во всех исторических эпохах сопровождало истинное искание и познание.

Тагор знает, не по газетам, но всем своим чутким сердцем, какие мировые опасности встают в наши армагеддонные дни. Тагор не скрывает этих опасностей. Как всегда смело он говорит о вопросах мира и просвещения. Можно себе представить сколько шипения невежества где-то раздастся о его призывах о мире.

Последнее его письмо полученное недавно, с болью отмечает мировое положение: «мой дорогой друг. Проблема мира сегодня является наиболее серьезной заботой человечества и наши усилия кажутся такими незначительными и тщетными перед натиском нового варварства, которое бушует на Западе с все возрастающей яростью. Безобразное проявление обнаженного милитаризма повсюду предвещает злое будущее и я почти теряю веру в

самую цивилизацию. И все же мы не можем сложить наши устремления — это только ускорило бы конец».

Сердце великого поэта насыщено скорбью о происходящем смятении. Также он знает, что каждый культурный деятель должен мужественно оставаться на своем посту и самоотверженно защищать сокровища мира. И в этом самоотверженно тоже явлен знак полстовского служения человечеству. Как Толстой не был политиком, также точно и Тагор всегда остается учителем жизни.

Можно ли назвать кого либо кто с такою убедительностью сочетает модернизм с заветами древнейшей мудрости. Именно такое сочетание для большинства людей кажется непримиримым. Даже признанные философы говорят свое пресекающее «или—или». Точно бы жизнь не имела единый источник и законы мироздания были невысказаны. Мне самому приходилось слышать, как очень образованные люди говорили, что несвоевременно цитировать Конфуция или Веды. Они заподозривали какое то ретроградство или нежизненность в изучении древних заветов. Только теперь наука начинает в лице нескольких рассеянных по лицу земли труженников признавать всю ценность познаний, дошедших до нас из глубины несчетных веков. В Тагоре такие познания врождены, а его глубокое знание современной литературы и науки дает ему ту уравновешенность, тот золотой путь, который в представлении многих казался бы несуществующим мечтой. А он здесь перед нами, лишь бы внимательно и доброжелательно рассмотреть его.

К семидесятилетию Тагора мы писали «Виджая Тагор» — победа Тагора! Трудная такая победа, но тем драгоценнее наблюдать светлого победителя, просиявшего служением человечеству.

Для внешнего наблюдателя различны Толстой и Тагор. Кто-то досужий до изыскания противоречий наверное закопается в желани еще что либо раз'единить. Но если мы пытливы и доброжелательно посмотрим в существо, то каждый из нас пожелает, почему у него нет портретов Толстого и Тагора снятых вместе — в углубленной беседе, в середине мудрости и в желани добра человечеству. В рижской газ. «Сегодня» был портрет Тагора к семидесятипятилетнему юбилею. Прекрасный поэт Латвии Рудзитис сердечно и утонченно характеризовал великого Тагора, а сей час из Праги проф. В. Ф. Булгаков прислал мне отлично исполненную открытку с изображением Толстого и его самого в 1910 г. в Ясной Поляне. И опять два прекрасных облика Толстого и Тагора встали передо мною во всей глубине мудрости своей и во всем благожелании человечеству. Вместе на одном изображении, хотел бы я видеть эти два великих облика. Низкий поклон Толстому и Тагору!

Николай Рерих.

Урусвати, Гималаи.

КАК СТАТЬ ГРАЖДАНИНОМ

Поступил в продажу справочник на английском языке «Как стать гражданином Соед. Штатов». Цена 25 центов.

ВАСИЛИЙ НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

БОДРЫЕ—
СМЕЛЫЕ—
СИЛЬНЫЕ—

Из летописи освободительного движения. В книгу входят следующие рассказы известного русского писателя: 1) Воробьиное яйцо, 2) Ваеька-Встанька и 3) Ванька - Встанька в Америке. В переплете, 260 стр. Цена с пересылкой — 0.50

RASSVIET
1723 W. Chicago Ave.
Chicago, Illinois.

Толстой и Тагор

(ЛИСТЫ ИЗ ДНЕВНИКА)

«Непреренно вы должны побывать у Толстого», гремел маститый В. В. Стасов за своим огромным заваленным столом.

Разговор происходил в Публичной Библиотеке, когда я пришел к Стасову после окончания Академии Художеств в 1897 году.

«Что мне все ваши академические дипломы и отличия. Вот пусть сам великий писатель земли русской произведет вас в художники. Вот это будет признание. Да и «Гонца» вашего никто не оценит, как Толстой. Он то сразу поймет с какою такою вестью спешит ваш «Гонец». Не чего откладывать, через два дня мы с Римским-Корсаковым едем в Москву. Айда с нами! Еще и Илья (скульптор Гинзбург) едет. Непреренно, непременно едем.»

И вот мы в купе вагона. Стасов, а ему уже семьдесят лет, улегся на верхней полке и уверяет, что иначе он спать не может. Длинная белая борода свешивается вниз. Идет длинный спор с Римским-Корсаковым о его новой опере. Реалисту Стасову не вся поэтическая эпика «Китеж Града» по сердцу.

«Вот погодите, сведу я вас с Толстым поспорить. Он уверяет, что музыку не понимает, а сам плачет от нее,» — грозит Стасов Корсакову.

Именно в это время много говорилось о Толстовском «Что есть Искусство» и о «Моя вера». Рассказывались, как и полагается около великого человека, всевозможные небылицы об изречениях Толстого и о самой его жизни. Любителям осуждения и сплетен представлялось широкое поле для вымыслов. Не могли понять каким образом граф Толстой может пахать или шить сапоги. Шептались неправдоподобные анекдоты о неверии Толстого. При этом совершенно упускалось из виду, что какое-же неверие может рассказать прекрасную притчу о трех старцах.

Жалею, что не имею под рукой текста этого сказания. Но каждый желающий помыслить о великом Толстом должен знать хотя бы краткое его содержание. На острове жили три старца. И так они были просты, что единственная молитва, которою молились они, была: «Трое нас — Трое Вас — помилуй нас». Большие чудеса совершались в таком простом молении. Прослышал местный архиепископ о таких простецках-старцах и недопустил мой молитве и решил сам поехать к ним, вразумить их молитвам достойным. Приехал архиепископ на остров, сказал старцам, что их молитва недопустима и научил их многим приличествующим молениям. Отплыл архиепископ на корабле. Только видит, что движется по морю свет великий и рассмотрел он, что три старца, взявшись за руки, бегут по воде, поспешают за кораблем. Добежали. Просят архиепископа: «Не упомяли мы молитвы твоею данные, вот и поспешили опять доспросить.»

Увидав такое чудо, архиепископ сказал старцам: «Лучше оставайтесь при вашей молитве.»

Могли невер дать такой замечательный облик старцев, достигших Света в их простейшем молении. Конечно, Толстому, этому великому искателю и познавателю, было близко все истинное, доскональное. Все же последующие осложнения Истины, конечно, дух его не воспринимал.

Все помнят и «Плоды Просвещения». Толстого повесть, полную сарказма о невежественных спиритических сеансах. Некоторые хотели увидеть в этом от-

рицание Толстым вообще всей метафизической области. Но великий мыслитель лишь бичевал невежество. В его эпическом «Войне и Мире», «Анне Карениной» и во многих рассказах и притчах явлены искры широчайшего понимания психологии в ее высочайшем значении. В пылу спора Толстой действительно мог утверждать, что простой деревенский танец для него равен высочайшей симфонии. Но когда вы могли наблюдать насколько писатель был глубоко потрясая именно лучшей музыкою, то вы отлично понимали, что в его парадоксах заключено нечто гораздо более тонкое и обширное, нежели слушатели его хотели из них сделать в своем разумении. Великий учитель, уходящий перед концом жизни в Оптину пустынь, разве не дал хотя бы одним этим уходом высочайший аспект своего земного бытия?

Утром в Москве не надолго остановившись в гостинице, мы все отправились в Хамовнический переулок, в дом Толстого. Каждый вез какие-то подарки. Римский-Корсаков — свои новые ноты, Гинзбург — бронзовую фигуру Толстого, Стасов — какие-то новые книги и я — фотографию с «Гонца».

Тот, кто знал тихие переулки старой Москвы, старинные дома, отделенные от улицы двором, всю эту атмосферу просвещенного быта — тот знает и аромат этих старых усадеб. Пахло инто яблоками, не о старую краскою, ни то особым запахом библиотеки. Все было такое простое и вместе с тем угонченное. Встретили нас графиня Софья Андреевна. Разговором, конечно, завладел Стасов, а сам Толстой вышел позже. Тоже такой белый, в светлой блузе, потом прозванной «толстовкой». Характерный жест рук засунутых за пояс — так хорошо уловленный на портрете Репина.

Только в больших людях может сочетаться такая простота и в то же время несказуемая значительность. Я бы сказал — величие, но такое слово не полюбилось бы самому Толстому и он вероятно оборвал бы его каким либо суровым замечанием. И против простоты он не воспротивился бы. Только огромный мыслительский и писательский талант и необычайно расширенное сознание могут создать такую убедительность, которая выражалась во всей фигуре, в жестах и словах Толстого. Говорили, что лицо у него было простое. Это неправда, у него было именно значительное русское лицо. Такие лица мне приходилось встречать у старых мудрых крестьян, у староверов, живших далеко от городов. Черты Толстого могли казаться суровыми. Но в них не было напряжения и само воодушевление его, при некоторых темах разговора, не было возбуждением, но наоборот выявлением мощной спокойной мысли. Индия ведома такие лица.

Осмотрел Толстой скульптуру Гинзбурга, сделал несколько кратких и метких замечаний. Затем пришла и моя очередь и Стасов сказался совершенно прав, полагая, что «Гонец» не только будет одобрен, но вызовет необычные замечания. На картине моей, гонец в ладье спешит к древнему славянскому поселению с важною вестью о том, что «восстал род на род». Толстой говорил: «Случалось ли в лодке пересечь быстроточную реку? Надо всегда править выше того места куда вам нужно, иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше — жизнь все равно снесет. Пусть ваш

гонец, очень высоко руль держит, тогда доплывет».

Затем Толстой заговорил о народном искусстве, о некоторых картинах из крестьянского быта, как бы желая устремить мое внимание в сторону народа.

«Умейте поболеть с ним» — такие были напутствия Толстого. Затем началась беседа о музыке. Опять появились парадоксы, но за ними звучала такая любовь к искусству, такое искание правды и забота о народном просвещении, что все эти разнообразные беседы сливались в прекрасную симфонию служения человечеству. Получился целый толстовский день. На следующее утро, добираясь обратно в дорогу, Стасов говорил мне: «Ну вот теперь вы получили настоящее звание художника.»

Удивительна вся судьба Толстого и великого писателя и великого учителя жизни. Каждое событие его жизни лишь увеличивало всенародное почитание его. Когда же произошло отлучение его от церкви, то казалось не было границ симпатии и сочувствия народным. Кроме уже напечатанных произведений Толстого, в обществе ходили и многие неразрешенные цензурою вещи и письма. Шепотом передавались подробности отлучения от церкви, шли слухи о свидании с императором. Наконец, говорилось о пророчествах Толстого. Впоследствии это замечательное пророчество широко обошло прессу. В прозрениях своих маститый писатель уже предвидел и войну и многие другие потрясающие события.

Каждая весть о новом слове Толстого воспринималась напряженно, точно бы поверх официальных авторитетов, где то как мени с внутреннее течение несла творческая прозревающая мысль Толстого. Помимо его громоздких речений о непротивлении злу, о любви всечеловеческой, об истинном просвещении обсталили и такие глубокие строки, как опытные смерти дерева. В Индии особенно были бы понятны эти простые трогательные слова, в которых заключалась глубокая мысль о вездесущей жизни. Любимая героиня Толстого Наташа говорит: «Да, я думала сначала, что вот мы едем и думаем, что мы едем домой, а мы бы знает, куда едем в этой темноте и вдруг приедем и увидим, что мы не в отпадном, а в волшебном царстве. А потом еще я думала»...

Священная мысль о прекрасной стране жила в сердце Толстого, когда он шел за сохою, как истинный Микюла Селянинович древне русского эпоса, и когда он, подобно Баме, тачал сапоги и вообще искал прикоснуться ко всем фазам труда. Без усталости разбрасывал этот сеятель жизненные зерна и они крепко легли в сознании русского народа. Безчисленны дома имени Толстого, Толстовские музеи, библиотеки и читальни имени его. И разве можно было вообразить лучшее завершение труда Толстого, как его уход в пустыню и кончину на маленьком полустанке железной дороги. Удивительнейший конец великого пуника. Это было настолько несказанно, что вся Россия в первую минуту даже не поверила. Помню как Елена Ивановна первая принесла эту весть повторяя: «не верится, не верится. Точно бы ушло что-то от самой России. Точно бы отграничилась жизнь».

(Окончание следует).

Николай Рерих.

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ
АРАБСКИЕ СКАЗКИ
 Знаменитой Шехеразады
 ЦЕНА — 50с.
RASSVIET
 1722 W. Chicago Ave.
 Chicago, Ill.

AND TOLSTOY

at St. Petersburg (now Leningrad). For over two and a half decades, Nicholas Roerich spent his life in the seclusion of the Himalayas, of which he often spoke affectionately and which he has immortalized through his unique paintings. He passed away on 15th December, 1947, at his Kulu Valley residence.

response of the soul was brought by Tagore. What may he be like? Where and how does this giant of thought and beautiful images dwell? The inborn love for the wisdom of the East finds its application in the touching, calling, persuasive chords of the poet. Now everyone at once became imbued with love for Tagore. It was evident how most contradictory people, the most irreconcilable psychologists were united by the call of the poet. As if under

inspiring talks on art, his letter about paintings also remains as a cherished memento. Then we met in America, where the poet lectured so convincingly about the immutable laws of beauty and about mutual human understanding. In the rush of the leviathan city, the words of Tagore sometimes sounded as paradoxical as the fairy-tale realm of Tolstoy. Great was the attainment of Tagore, who untiringly travelled all over the world, with the imperative call about Beauty. The poet said in China: from the books of Tagore, his prayers and ordainments for a better life, "Civilisation expects the great culmination of the expression of its soul in Beauty." One may quote at length which are so easily carried out in the beautiful domain of the poet's heart.

Are these calls far from life? Are they but the dreams of a poet? By no means! This whole truth, in its entire essence is preordained and realisable in earthly life. Ignoramuses

dination of happy manifestations is possible. But when it takes place before our very eyes, here on our TERRA DOLOROSA against all attacks of chaos, then such attainments verily open for us new vistas. The human hearts become filled with gratitude when witnessing such glorious deeds.

One cannot name any sphere of culture to which Tagore is indifferent. With everything educational, creative and constructive, Tagore will not only sympathise but he will find forceful helping suggestion. It is but natural that Rabindranath Tagore responded cordially to the pact for the protection of the world's cultural treasures. Whose sound could vibrate with greater ardour for the safeguarding of the fruits of creativeness than Tagore's? But he knows the difficulty of the present moment. He feels what malice and hatred hover above the world at present. Not from newspapers but through his wise heart he comprehends what danger to peaceful labour threatens during the present Armageddon. Tagore does not conceal these dangers. As always he speaks daringly of questions of peace and education. One can imagine how ignorance is hissing somewhere at his call for peace.

The last letter I received from him recently sorrowfully defines the present world situation: "My dear Friend,—The problem of peace is to-day the most serious concern with humanity, and our efforts seem so insignificant and futile before the onrush of a new barbarism, that is sweeping over the West with an accelerating momentum. The ugly manifestations of naked militarism on all sides forebode an evil future and I almost lose faith in civilisation itself. And yet we cannot give up our efforts, for that would only hasten the end."

The heart of the great poet is filled with grief at the current confusion. The thinker knows that every worker of culture should valiantly defend his post, and self-sacrificingly stand up for the treasures of the world. And in this self-sacrifice is also manifested the sign of Tolstoy's service to humanity. As Tolstoy was never a politician so also Tagore stands adamant as the mighty teacher of life.

MODERNISM COMBINED WITH ANCIENT WISDOM

One cannot name anyone, who with such convincingness, combines

modernism with the ordainments of ancient wisdom. Such a synthesis to the majority of people seems even irreconcilable. Even the esteemed philosophers often state their forbidding 'or'—'or'. As if life is not of one source, and as if the cosmical laws are not immutable. Even most ancient ordainment proclaimed through the RIG VEDA: "Truth is one—men call it by various names." I often had occasion to hear how even educated people said that is old-fashioned to quote Confucius or the Vedas. They suspected a certain lack of progress, when someone studied ancient wisdom. Only now science in the person of some advanced research workers begins to reaffirm the value of knowledge that has reached us from the depths of antiquity. In Tagore such wisdom is inborn, and his deep understanding of modern literature and science gives that equilibrium, that golden path, that to the majority seemed an utopia. But this attainment is right in front of us, one has but to admit it in full attentiveness and goodwill.

On the seventieth anniversary of Tagore's birthday we wrote "VIJAYA TAGORE!" Difficult is such a victory, but the more precious is it to admire the radiant hero in the service of humanity.

SERVICE TO HUMANITY

To the superficial outside observer Tolstoy and Tagore may seem different. Some people, who like to revel in contradictions, will no doubt try to apply their wit also in this case in order to separate. But if we shall analyse both the thinkers benevolently, and without prejudice, we shall but regret that there exist no portraits of Tolstoy and Tagore taken together—in a hearty talk, in deep wisdom, and in the desire to bring good to humanity.

On the occasion of Tagore's seventieth birthday we rejoiced to see Tagore's portrait in the Latvian newspaper SEGODNIA. The renowned poet of Latvia, Rudzitis has beautifully characterised the great Tagore in a monograph, and now from Praha Prague Prof. V. Bulgakoff sends me a beautiful postcard of Tolstoy and himself, taken in 1910 in Yasnaya Poliana. And again the great images of Tagore and Tolstoy rise before me in their great service to humanity. Together on one picture I would like to see these two giants of thought.

Deep homage to Tagore and Tolstoy!

By NICHOLAS ROERICH

the beautiful dome of a temple or in the consonances of a majestic symphony the inspiring song victoriously united all human hearts. Just as Tagore himself proclaims in his uplifting WHAT IS ART?

"In Art the person in us is sending its answer to the Supreme Person, who reveals himself to us in a world of endless beauty across the lightless world of facts."

Everyone knows that Tagore does not belong to the earthly world of petty facts, but to the world of Truth and Beauty. And the persistent desire arose: "How and where to meet?" Will not fate bring about a meeting here, on this plane, with him who so powerfully called towards Beauty the Conquerer? Strangely, Providence transforms imperative dreams into reality: Indeed unforeseen are the paths. Life itself weaves the beautiful web as no human imagination can visualise it. Life is the best fairy tale.

We dreamt of meeting Tagore, and there he himself appears in my studio on Queen's Gate Terrace, in London in 1920. Tagore had heard of my Russian paintings, and wanted to meet me. And just at that time I was painting a Hindu series DREAMS OF THE EAST. I remember the amazement of the poet at such a coincidence. We recall how beautifully he entered, and how his spiritual appearance impressed us. Verily the first impression is the true one.

At the Luncheon of the World Fellowship of Faiths in 1934 in New York, Dr. Kedarnath Das Gupta recalled our first meeting with Tagore in the following words:—"This occasion had its beginning about fourteen years ago in London. At that time, I was one day at the home of Rabindranath Tagore, who said to me, 'to-day I am going to give you a very great treat.' I followed him, and he took me to South Kensington to an apartment filled with superb canvasses and paintings, and there were Nicholas Roerich and Mme. Roerich. As Mme. Roerich showed us the paintings I thought of our beautiful ideal of the East: PRAKRITI and PURUSHA, man revealed through the woman. That visit has never been out of my mind."

TAGORE'S INSPIRING TALK ON ART

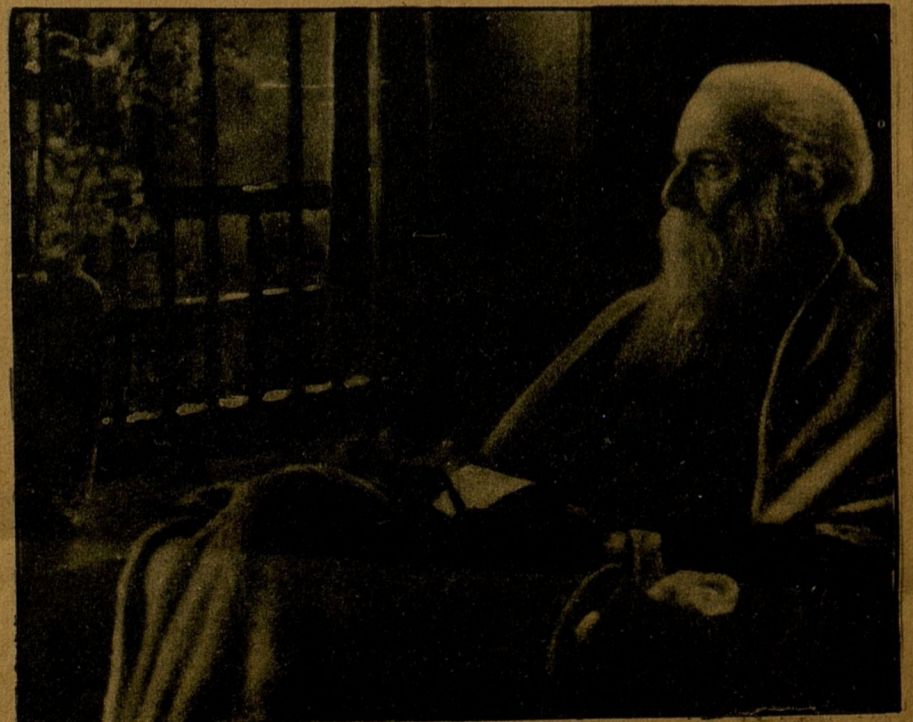
Just as unforgettable remains for us this visit of Tagore with his in-

will assert in vain that the worlds of Tagore and Tolstoy are utopian. This is thrice wrong! It is an utopia that one should live beautifully? Is it an utopia that one should not kill and not destroy? Is it an utopia that one should learn to imbue one's surroundings with knowledge? These are not utopias but reality itself, as real as the fact that one should help wherever possible. If the light of Beauty would not penetrate at least through dimmed sparks into the earthly plane, life itself would be unbearable. What deep gratitude humanity should render to those giants of thought, who self-sacrificingly taught the eternal foundations of life! Without these laws of the Beautiful, life would turn into such bestiality and ugliness that every living breath would be choked.

Horrible is the curse of ugliness. Terrible is the persecution which throughout history tried to destroy true seeking and cognisance. When an ignoramus orders that every one should think according to his code, this is tantamount to the demand of nonsense and imbecility, for it is destruction. Majestic are the gifts of Tolstoy and Tagore to humanity. They are not selfish misers, but most generous donors, they give and give endlessly. Tagore's heart strives to spread real education. Santiniketan—this stronghold of enlightenment, is forever linked with a host of great names. So many artists and cultural leaders of India, and many foreign co-workers participate in the ideals of Santiniketan.

PHILOSOPHER, ARTIST, TEACHER AND POET

The ploughland of Culture is not easy. People sometimes believe that the accomplishment of colossal historical events was always crowned with laurels. History sometimes records entire periods of difficulty in but a few stingy words. Yet how many thorns were met on the way, and how much priceless energy was expended in order to lay the steps of human achievement despite all obstacles, enmity, and ignorance? The more joyful is it to witness how esteemed are the harvests of Tagore's sowing. In Tagore we see a wonderful synthesis of the thinker, the poet, the bard, the artist, and the teacher of life. From the depth of ages we heard that such co-or-

THE POET SITTING in his mud-hut residence called "Shyamala" where he used to do his paintings and writing-work.